

На правах рукописи



ЖАВОРОНКОВ Алексей Геннадьевич

**ЗНАНИЕ В РАННЕГРЕЧЕСКОМ ЭПОСЕ.  
ЯЗЫК, ПОЭТИКА, АНТРОПОЛОГИЯ**

Специальность 10 02 14 – классическая филология,  
византийская и новогреческая филология

**АВТОРЕФЕРАТ**  
диссертации на соискание ученой степени  
кандидата филологических наук

**13 Май 2010**

Москва  
2010

Работа выполнена в Институте восточных культур и античности  
Российского государственного гуманитарного университета

Научный руководитель                    доктор филологических наук  
**Гринцер Николай Павлович**

Официальные оппоненты                доктор филологических наук  
**Россиус Андрей Александрович,**  
Институт философии РАН

   кандидат филологических наук  
**Малынауэскене Надежда Касимовна,**  
Высшая школа культурологии

Ведущая организация                    Высшая школа экономики

Защита состоится "10 июня" 2010 года в 16 час на заседании  
диссертационного совета Д 501.001.82 при Московском государственном  
университете им М.В. Ломоносова по адресу 119991, Москва, Ленинские горы  
МГУ, 1-й учебный корпус, филологический факультет

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московского государственного  
университета

Автореферат разослан "20 апреля" 2010 года

Ученый секретарь диссертационного совета,  
кандидат филологических наук

**О.М. Савельева**

## ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В диссертации рассматривается проблематика знания в гомеровском эпосе и в произведениях Гесиода. Работа состоит из трех частей: 1) лексической, где проанализировано употребление шести основных глаголов знания (*οἶδα*, *ἐπίσταμαι*, *νοῶ*, *γινώσκω*, *δαῖναι* и *πέφομαι*) и дано небольшое приложение с обзором нескольких важных слов из корпуса лексики знания, 2) мотивно-тематической<sup>1</sup> части, в которой на примере четырех фрагментов из Гомера и Гесиода показана роль темы знания в конкретных контекстах, 3) общей части, где основное внимание направлено на социальные и антропологические аспекты проблематики знания у Гомера и Гесиода.

В диссертации поставлены две центральные задачи: 1) обрисовать лексическую картину знания у Гомера и Гесиода и 2) исследовать концепт знания за рамками лексики знания. В работе проанализированы семантические особенности глаголов знания в их соотношении друг с другом, представлена целостная картина их взаимодействия. С учетом отсутствия специальных работ, посвященных теме знания на сюжетно-тематическом уровне раннегреческого эпоса, рассмотрены особенности знания и его функционирования на основе конкретных текстовых примеров. В рамках третьей (общей) части работы принят во внимание более широкий набор контекстов, чем в лексической и мотивно-тематической части, поскольку представляется очевидным, что тема знания у Гомера и у Гесиода сама по себе значительно шире, чем совокупность всех случаев употребления глаголов знания.

Наличие трех частей работы и их порядок обусловлены логикой анализа с одного из низших уровней произведения (уровня лексического) осуществлении переход к более высокому, мотивно-тематическому уровню, а затем к общим

---

<sup>1</sup> Вслед за Б. В. Томашевским (см. Томашевский, Б. В. "Теория Литературы. Поэтика" М.-Л., 1925) и др. представителями формальной школы мы понимаем мотив как элементарную тематическую единицу произведения. Другими словами, мы исходим из того, что тема знания (как и любая другая тема произведения) делится на привязанные к конкретным контекстам мотивы.

вопросам, обсуждение которых предполагает знакомство с базовой (лексической и мотивно-тематической) проблематикой знания

Методологическую основу работы составляет лексический анализ, т.е. разбор этимологии и семантики выбранных нами глаголов знания в первой главе, а также мотивно-тематический анализ, опирающийся на методологию и некоторую терминологию формальной школы (в частности, Б.В. Томашевского) во второй. В третьей главе общефилологический взгляд на проблему учитывает также и социально-антропологический угол зрения (в частности, противопоставление коллективного и индивидуального в методологии Питера Бергера и Томаса Лукмана<sup>2</sup>). Иными словами, в диссертации присутствуют элементы междисциплинарного подхода, совмещающего несколько типов анализа. Во второй и третьей части учитываются современные дискуссии, касающиеся рассматриваемых в диссертации проблем (так, в первом разделе второй главы упоминаются все основные работы, специально анализирующие эпизод с состязанием колесниц в 23 песне «Илиады», а в разделе о границах опыта у Гесиода разбирается дискуссия вокруг Theog. 27-8).

Актуальность диссертации подкрепляется фактом наличия большого количества работ о гомеровском эпосе (в традиционно меньшей степени – о Гесиоде), затрагивающих проблематику знания в связи с отношениями между поэтом и его аудиторией, а также между рассказчиком и музами<sup>3</sup>. В этом свете востребованность проблематики знания в западной научной литературе представляется вполне очевидной. Вместе с тем, тема знания рассматривается, как

---

<sup>2</sup> Berger, Peter L., Luckmann, Thomas *The Social Construction of Reality* New York, 1966

<sup>3</sup> Ford, Andrew L. *Homer: The Poetry of the Past* Ithaca, 1992. Minchin, Elisabeth *Homer and the Resources of Memory: Some Applications of the Cognitive Theory to the Iliad and the Odyssey* Oxford, 2001. Ledbetter, Grace *Poetics before Plato: Interpretation and Authority in Early Greek Theories of Poetry* Princeton, 2003. Stoddard, Kathryn *The Narrative Voice in the Theogony of Hesiod* Leiden, 2004

авило, достаточно узко историко-философские исследования ориентированы на анализ диахронической эволюции специфической терминологии (Б Снелль, К фон иц), работы, выдержанные в духе «устной теории» (Л Пратт<sup>4</sup>, Г Форд<sup>5</sup> и др) рассматривают (прежде всего, на гомеровском материале) мотивы, связанные со стихом поэта, технику его общения с аудиторией. В этой связи, попытка тематического осмысления того, как трактует эпос тему знания в целом, кажется вполне назревшей, тем более что в отечественной науке исследования такого рода в принципе отсутствуют.

**Новизна** данной диссертации заключается в отходе от наиболее часто используемых методов в задачу не входит историко-философский анализ лексики, исследование возможных исторических оснований гомеровского эпоса, а также сопоставлений между поэтом и его аудиторией. Заявленная в диссертации позиция призвана пролить свет на вопросы, до сих пор остававшиеся в тени «генеральной линии» исследований проблематики знания в раннегреческом эпосе. Не только трудно исследовать лексику знания (основные работы в этой области датируются 40 годами прошлого века, многие из них сильно устарели), но и проследить роль типов знания в конкретных контекстах (примеры исследований, направленных специально на выявление роли мотивов знания, нам неизвестны) и, наконец, обратиться к антропологическим и социальным аспектам знания (данные аспекты игнорировались в научной литературе чрезвычайно редко и несистематически). Рассмотрение подобных подходов позволило представить проблематику знания у Гомера и Гесиода в том числе и в междисциплинарной перспективе.

**Практическая значимость** диссертации заключается в возможности использования материалов данного исследования в учебных курсах по дисциплине «Классическая филология», а также в курсах по истории ранней греческой философии и общей эпистемологии (вопрос о происхождении и функционировании знания как теоретического концепта и социального фактора).

---

ratt, L. H. *Lying and Poetry from Homer to Pindar: Falsehood and Deception in Archaic Greek Epics*. Ann Arbor, 1993.

rd, Andrew L. *Homer: The Poetry of the Past*. Ithaca, 1992.

Диссертация была апробирована в виде докладов на IX научной студенческой конференции в СПбГУ (2005 г.) и в Феноменологическом центре философского факультета РГГУ (2008 г.), а также статей, опубликованных в журналах «Развитие личности» (№ 3, 2005, № 2, 2006) и «Вестник МГУ серия Филология» (№ 6, 2009)

**Структура диссертации** Диссертация состоит из введения, трех основных глав, заключения и библиографического списка

## ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во ВВЕДЕНИИ указываются цели и задачи работы, обосновывается актуальность исследования и новизна выбранной темы, уточняются рамки исследования, определяется методология анализа, в рамках определения методологической базы исследования проводится обзор научной литературы по лексике знания

В рамках критического обзора исследований по лексике знания, проведенного для более точного определения подхода к материалу, подробно рассматриваются работы Бруно Снелля<sup>6</sup>, Йохима Беме<sup>7</sup>, Герта Пламбека<sup>8</sup>, Курга фон Фрица<sup>9</sup>, Джеймса Лешера<sup>10</sup>, Арбогаста Шмитта<sup>11</sup>, Бертолин Себриан Рейес<sup>12</sup>

---

<sup>6</sup> Snell, Bruno *Die Ausdrücke für den Begriff des Wissens in der vorplatonischen Philosophie* Berlin, 1924

<sup>7</sup> Böhme, J *Die Seele und das Ich im homerischen Epos* Leipzig, Berlin, 1929

<sup>8</sup> Plamböck, Gert *Erfassen – Gegenwartigen – Innesem Aspekte homerischer Psychologie* Diss Kiel, 1959 15ff

<sup>9</sup> Fritz, Kurt von “*ΝΟΟΣ* and *ΝΟΕΙΝ* in the Homeric Poems” *CP* 38 (1943), 79-93 Fritz, Kurt von “*Nous, Noein and their Derivates in Pre-Socratic Philosophy (Excluding Anaxagoras)*” *CPh* 40 (1945), 223-42, *CPh* 41 (1946), 12-34

<sup>10</sup> Leshner, J H “*Perceiving and Knowing in the Iliad and Odyssey*” *Phronesis* XXVI (1981), 2-24 Leshner, J H “*The Emergence of Philosophical Interest in Cognition*” В сб *Oxford Studies in Ancient Philosophy* XII (1994)

Как становится видно из критического обзора, основным вопросом, возникающим в связи с глаголами знания, является вопрос об отношениях между знанием, восприятием и мыслительным процессом. В центре дискуссии оказываются, в первую очередь, глаголы *οἶδα*, *γινώσκω* и (в особенности) *νοέω*. И сторонники «линии Спелля», и последователи Й. Беме демонстрируют весьма схожую логику рассуждений: они стараются показать различия между упомянутыми глаголами и провести четкую границу между их семантическими полями (с акцентом на чувственном восприятии или на интеллектуальной деятельности, соответственно). При этом некоторые из упомянутых исследователей гомеровской лексики невольно пытаются «осовременить» ее, включая ее в другую, нежели гомеровская, систему координат (так, Б. Спелль использует для сравнения концепции Платона и Аристотеля) и стремясь найти различие между восприятием и мышлением там, где это различие еще не было сформулировано.

ПЕРВАЯ ГЛАВА посвящена разбору шести глаголов знания (*οἶδα*, *ἐπίσταμαι*, *νοέω*, *γινώσκω*, *δαῖναι* и *πεύθομαι*). После краткого экскурса в этимологию и семантику слова и приведения статистической (частотность употребления) и синтаксической (субъекты и объекты при глаголе) информации об употреблении глагола и его производных у Гомера и Гесиода основное внимание уделяется аспектам, требующим более подробного изучения. Сюда относятся

- связь лексики знания с ощущениями (зрение, слух, обоняние как каналы получения и передачи информации),
- особенности знания, описываемого определенным глаголом (знание богов и людей, (не)достоверность знания, (не)ограниченность знания определенной областью, возможность практического применения или переработки полученной информации и др.);

---

<sup>11</sup> Schmitt, Arbogast *Selbständigkeit und Abhängigkeit menschlichen Handelns bei Homer*. Mainz-Stuttgart, 1990

<sup>12</sup> Reyes, Bertolin Cebrian *Die Verben des Denkens bei Homer*. Diss. Innsbruck, 1996. S. 48-73

- тематическая роль лексики знания, позволяющей рассказчику «фокусировать» внимание аудитории на определенных мотивах, связанных с темой знания,
- коммуникативная функция лексики

Анализ каждого из глаголов знания приводит следующим выводам

1 Глагол *οἶδα* выражает любое знание, которым обладают (или не обладают) Оно выражает форму опыта, полученного через зрение<sup>13</sup> (или, значительно реже, через слух<sup>14</sup>) Наряду с наличным знанием («знать что-л/кого-л»<sup>15</sup>, «обладать опытом») *οἶδα* охватывает и различные области его возможного применения («быть сведущим в чем-л»<sup>16</sup>)

Как центральный глагол знания, *οἶδα* связан с целым рядом важных мотивов знания Сюда относятся мотивы абсолютного знания, передаваемого/получаемого знания, непрочного знания, ложного знания, редкого знания, а также избыточного знания<sup>17</sup> При этом Геснод, в отличие от Гомера, говорит о редком знании и о ложном (а точнее, потенциально недостоверном, недоступном для верификации)

<sup>13</sup> Например, в п 108, когда Антиной, обвиняя Пенелопу в хитрости, говорит о рассказе служанки, ясно видевшей (ἢ σάφα ᾗδῃ), что Пенелопа ночью распускает пряжу Здесь видна амбивалентность *οἶδα*, позволяющая предполагать две возможности перевода « которая ясно [это] знала» и « которая ясно [это] видела»

<sup>14</sup> См Главк о своей родословной в VI 150-1 См тж XX 203-5

<sup>15</sup> <sup>15</sup> Так, в XX 203-5 Эней говорит Ахиллу, что они оба знают родословную и родителей друг друга со слов других, при том что никогда не видели родителей друг друга собственными глазами (ἴδμεν δ' ἀλλήλων γενεήν, ἴδμεν δὲ τοκῆας / πρόκλυτ' ἀκούοντες ἔπεια θνητῶν ἀνθρώπων / ὄψει δ' οὔτ' ἄρ πω σὺ ἐμοὺς ἴδες οὔτ' ἄρ' ἐγὼ σοὺς)

<sup>16</sup> См, например, VII 236, когда Гектор отвечает Аяксу, что искушен в битвах и убийствах (ἐγὼν εὖ οἶδα μάχας τ' ἀνδροκτασίας τε) Ср II 718-20

<sup>17</sup> См например iv 379=iv 468, II 485-6 (абсолютное знание), V 183, VI 367, XV 16, п 332-3 и III 216-7 (непрочное знание), Op 814 и Op 824 (редкое знание), XIX 421, XX 201=432, XXIV 105, v 215, x 457 и xiv 365 (избыточное знание)



знания, исходящем от богов<sup>18</sup> Таким образом, у Гесиода непреодолимая граница между человеческим и божественным знанием становится более заметной, нежели в гомеровском эпосе, аудитория которого узнает в том числе и о замыслах и воле богов

Коммуникативная роль *οἶδα* заключается, в первую очередь, в указаниях на предварительное получение знания<sup>19</sup>, приводящее к наличию или (в случае непродуктивной коммуникации) к отсутствию у персонажа того или иного знания

2 Семантическое поле *ἐπίσταμαι* – глагола, встречающегося почти исключительно у Гомера – значительно уже, чем у *οἶδα*, и лежит в сфере практического умения (в зависимости от контекста – ограниченного или не ограниченного определенной областью) *οἶδα* и *ἐπίσταμαι* не противопоставляются друг другу, поскольку *οἶδα* (помимо множества других возможностей его употребления) может выступать в роли *ἐπίσταμαι*.<sup>20</sup>

*ἐπίσταμαι* имплицитно подразумевает наличие связи между сферой богов и сферой людей боги выступают в роли наставников, передающих людям знание в определенных областях<sup>21</sup> Соответственно, мотив наличия или отсутствия опыта является для этого глагола основным<sup>22</sup> Данный мотив, в свою очередь, связан с мотивом взросления и приобретения опыта, позволяющего принимать разумные решения<sup>23</sup> Коммуникативная роль *ἐπίσταμαι* ограничена случаями, в которых идет речь о передаче знания от богов людям

---

<sup>18</sup> См Theog 27-8

<sup>19</sup> Например в χiv 365-6 (а также в др случаях с употреблением *οἶδα καὶ αὐτός*) и в iv 632-3

<sup>20</sup> См VII 236, а также II 718-20, VII 236 238-41, XI 717-9.

<sup>21</sup> См например vii 110 (Афина и жены феаков), а также XI.842-8 (врачебное знание Патрокла получено от Ахилла, который, в свою очередь, научился ему у кентавра Хирона (XI 831-2))

<sup>22</sup> В частности, в v 245, xvii 341, xxi 44, xxii.197, xx.161 и X 265 (строительство и ремесленная деятельность обработка дерева и металла), а также в xii 307, xix 422 и xx 159 (приготовление еды, в т ч разделывание мяса)

<sup>23</sup> Так, в xvi 374 Антиной призывает женихов избавиться от Телемаха, поскольку он может помешать исполнению их планов *αὐτὸς μὲν γὰρ ἐπιστήμων βουλῆ τε νόφ τε* Ср слова

3 Глагол *voéw* из-за частоты употребления и разнообразия семантики можно назвать вторым центральным глаголом знания. Связь этого глагола с *oída* характеризуется отношениями дополнительной дистрибуции. Оба глагола полисемичны и при этом относятся к разным аспектам знания: *oída* описывает факт обладания знанием (или его отсутствия), в то время как *voéw* указывает на процесс мышления<sup>24</sup> и получения знания (посредством чувственного<sup>25</sup> и/или интеллектуального зрения<sup>26</sup>). Здесь можно говорить не о первичном (получаемом напрямую от другого), а о вторичном знании (как результате размышления и обработки первичного знания). Отношения между *oída* и *voéw* наиболее наглядно демонстрируют примеры, в которых оба глагола появляются рядом друг с другом<sup>27</sup>.

Важные для *voéw* мотивы знания фактически представляют собой две стороны одного и того же мотива. Наличие или отсутствие способности «разглядеть» суть ситуации и принять верное решение<sup>28</sup> связано с интеллектуальным аспектом глагола, а узнавание/распознавание наблюдаемого объекта<sup>29</sup> – с чувственным

---

Телемаха в *xviii* 228-30. Здесь видна четкая связь между *ἐπιστήμων*, указывающим на недавно приобретенные умения Телемаха, и *oída*, подтверждающим «рост знания» Телемаха, символизирующий его переход из раннего возраста в более зрелый и дающий ему возможность использовать упомянутые умения.

<sup>24</sup> См. например значение «планировать» в *XXIV* 560 (Ахилл говорит Приаму, что сам планирует отдать ему тело Гектора) или «понимать» в *Theog* 488.

<sup>25</sup> См. *i* 257, *vii* 290 и *XXIV* 294=312.

<sup>26</sup> Например, в *vi* 66-7 (Алкиной распознает намерения дочери) и в *ix* 442 (Полифем не понимает хитрости Одиссея).

<sup>27</sup> См. *xviii* 228-30 (а также *xx* 309-10) *αὐτὰρ εὐὸς θυμῷ νοέω καὶ οἶδα ἕκαστα / ἐσθλά τε καὶ τὰ χεῖρα πάρος δ' ἔτι νῆπιος ἦα*. Произносящий эту фразу Телемах называет свое прежнее состояние состоянием *νῆπιος*. В этом состоянии он не владел (или плохо владел) способностями *voéw*, дающими возможность на основе предварительно имеющегося знания (*oída*) распознавать хорошее и плохое.

<sup>28</sup> *ix* 442, *Theog* 488, *Op* 89.

<sup>29</sup> *V* 590, *IV* 199-200, *III* 30-1, *vi* 162-3.

4 Глагол \*δάω, как и οἶδα, связан с опытом, но не требует обязательного указания на конкретный его источник. В то же время, \*δάω по своему характеру не столь статичен, как οἶδα, и не связан только с прошлым (уже полученным и имеющимся знанием) и в некоторых случаях может указывать на грядущие, еще не совершившиеся события<sup>30</sup>, в то время как οἶδα всегда указывает на имеющийся в настоящем результат законченного действия. Однако и в случае с οἶδα, и в случае с \*δάω преобладает семантика фактического, наличного знания<sup>31</sup>, а не его обретения как некоего процесса. Производные от \*δάω (δαήμων, ἀδαήμων и ἀδαημονίη) всегда имеют при себе конкретное указание на область опыта, являющуюся объектом знания, – будь то спортивные состязания, танцы, нарезание мяса<sup>32</sup> или же испытываемые героями бедствия<sup>33</sup>. \*δάω не только связан с важными мотивами (получение знания через обогащение опыта<sup>34</sup> или через обучение<sup>35</sup>, верификация полученного знания), но и играет важную коммуникативную роль, так как описывает различные формы получения знания от другого<sup>36</sup>.

5 Глагол γινώσκω, семантически связанный со зрением, обозначает, в первую очередь, быстрое узнавание одушевленного или неодушевленного объекта,

<sup>30</sup> Так, в II 299-300 Одиссей предлагает собравшимся ахейцам подождать с отплытием, дабы узнать, верно ли пророчество Калханта о взятии Трои ахейцами (τλήτε φίλοι, καὶ μένατ' ἐπὶ χρὸνον ὄφρα δαῶμεν ἢ ἔτερόν Κάλχας μαντεύεται ἦε καὶ οὐκί)

<sup>31</sup> В частности, в VIII 133-4 и XIX 325-6

<sup>32</sup> См, соответственно, XV 410-2, VIII 262-3 и XVI 253

<sup>33</sup> См XII 208 ὦ φίλοι, οὐ γάρ πώ τι κακῶν ἀδαήμονές εἰμεν (Друзья, мы ведь совсем не неопытны в бедствиях)

<sup>34</sup> I 3, IV 267-8

<sup>35</sup> См напр. XV 410-2 (в связи с Афиной как «божественным паставником»)

<sup>36</sup> Глагол, как и его производные, часто встречается в тех случаях, когда персонажу указывают на необходимость или возможность получения или передачи знания (как в III 186-7) или когда персонаж уведомляет окружающих о наличии или отсутствии у себя или у собеседника опыта в определенной области (например в VIII 159-60))

основанное на уже имеющемся у персонажа опыте (для того, чтобы что-то узнать надо заранее иметь представление об этом)<sup>37</sup>, и намного реже указывает на распознавание той или иной ситуации. Связанное с получением нового знания значение «позна(ва)ть» (т.е. узнавать что-то *впервые*) представлено небольшим числом примеров<sup>38</sup>. Несмотря на кажущуюся ограниченность семантического поля глагол обнаруживает любопытную двойственность: узнавание может касаться как внешнего (то, как персонаж выглядит<sup>39</sup> (или как выглядят его характерные атрибуты) или ведет себя), так и внутреннего (образ мыслей персонажа<sup>40</sup>) признака.

Основным мотивом, связанным с *γινώσκω*, является мотив легкого узнавания<sup>41</sup>. Гораздо реже мы встречаем мотив испытания чего-либо на собственном опыте<sup>42</sup>. Коммуникативная роль глагола малозначительна.

---

<sup>37</sup> См. сцены с узнаванием одушевленных объектов: Телемах, узнающий Афины (ι 420, ср. сцены узнавания Афины Ахиллом в ι 199-200<sup>37</sup>), товарищи Одиссея, узнающие его (χ 397), и длинная череда встречающихся Одиссею в Аиде душ умерших, которые его узнают (χι 91 – Тиресий, χι 15 – мать Одиссея, χι 390 – Агамемнон, χι 471 – Ахилл, χι 615 – Геракл), узнающий Махаона Патрок (XI 651), Гектор, приходящий в себя и узнающий стоящих вокруг соратников (XV 240-1), и узнающая «признаки» Одиссея Пенелопа (χιχ 250=xxiii 206), и т.д. Неодушевленные объекты становящиеся предметами узнавания: жребий Аякса и жребии других героев (VII 185-189), одежда Одиссея (vii 234), Итака (xiii 188), дом Одиссея (xvii 273) и рубец на ноге Одиссея (χιχ 392).

<sup>38</sup> См., в частности, объяснение Одиссеем причины, по которой он шадит Медона (xxii 373-4) *ᾧφρα γινῶς κατὰ θυμόν, ἀτὰρ εἶπησθα καὶ ἄλλῃ, / ὡς κακοεργίης εὐεργεσίη μὲν' ἀμείνων* (дабы ты познал/понял и сказал другому, что доброе дело лучше злого). Еще один типичный случай слова Аякса, осознающего близость ахейцев к поражению (XVII 629-30) *ὦ πόποι ἦδη μὲν κε καὶ ὃς μάλα νῆπιός ἐστι / γνοίη ὅτι Τρώεσσι πατὴρ Ζεὺς αὐτὸς ἀρήξει* (Увы и самый неразумный уже может понять, что сам отец Зевс помогает троянцам).

<sup>39</sup> Например, когда в XV 241 очнувшийся Гектор узнает окружающих его соратников подразумевается, что ему хорошо известны их лица и он может легко опознать каждого из них.

<sup>40</sup> См. XX 20 (Зевс Афине *ἔγνωσ ἐμήν βουλὴν*) и IV 357 (Агамемнон успокаивает Одиссея т.к. замечает, что тот злится *ὡς γινῶ χωμένοιο*).

<sup>41</sup> См. примеры с сопроводительными словами. *αἴψα*, «тотчас» (χι 390, χι 615), *αὐτίκα*, «сразу» (χι 153, χιχ 392, XVII 153-6), *εὖ*, «хорошо» (XI 526-7) и *ῥεῖα*, «легко» (xvii 273).

<sup>42</sup> xxii 373-4, XVII 629-30.

6 Глагол *πυνθάνομαι/πεύθομαι*, в отличие от большинства глаголов знания, связан не со зрением, а со слухом, поскольку описывает ситуации, при которых персонаж или расспрашивает другого с целью получить конкретную информацию, или уже обладает информацией, полученной от другого или других персонажей из конкретного («расспрашивать»<sup>43</sup>) либо из абстрактного, неуточненного («быть осведомленным»<sup>44</sup>) источника. Объектами такого знания, полученного от других, являются конкретные факты, а не, к примеру, умения (как в случае с *οἶδα*). Как видно из его значений (от «быть осведомленным» до «расспрашивать»), *πυνθάνομαι/πεύθομαι* имеет «диалогический» характер, оно обозначает устную передачу знания.

В гомеровском тексте *πυνθάνομαι/πεύθομαι* часто приобретает тот оттенок финальности, который оказывается присущим и *\*δαῶ*, означая не только «узнавать», но и «быть осведомленным»/«знать». Будучи не связанным с обучением как получением опыта, *πυνθάνομαι/πεύθομαι* фактически берет на себя роль основного глагола, употребляемого в связи с темой познания как такового (это выражено в значениях «расспрашивать» и «узнавать»). Как и *\*δαῶ*, *πυνθάνομαι/πεύθομαι* играет важную коммуникативную роль благодаря особенностям его семантики, связанной, с одной стороны, с расспрашиванием, а с другой стороны, с осведомленностью говорящего (или упомянутого говорящим лица<sup>45</sup>), предварительно узнавшего ту или иную информацию от других.

<sup>43</sup> См., например, совет Кирки Одиссею, касающийся его поведения в Аиде (х 536-7) *μηδέ εἰν νεκῶν ἀμεινῆὰ κάρηνα / αἴματος ἄσσον ἔμεν πρὶν Τυρρῶισι<sup>43</sup> πυνθῆσθαι* («и не давать нишним сил мертвым приблизиться к крени, пока не расспросишь Тиресия»). Ср. предостережение Афины в хн 335-6

<sup>44</sup> См. вопрос души Ахилла, обращенный к Одиссею (х1 494) *εἰπέ δέ μοι Πηλεΐδης ἀμύμονος εἴ τι πέπυσσας* («Скажи мне, знаешь ли ты что-нибудь о безупречном Пелее?»). Ср. и 411-2 (Пенелопа не знает о готовящемся отплытии сына в Пилос)

<sup>45</sup> См. х1 75-6 (в связи с мотивом получения потомками знания о происходящих событиях), а также хх1 255, ххiv 433-5. Ср. тж. слова Агамемнона о позорности отступления из-под Трои (Π 119 *αἰσχρὸν γὰρ τοῦδε γ' ἐστὶ καὶ ἐσομένοισι πυνθῆσθαι*)

По итогам лексического анализа соотношение семантики основных глаголов знания можно представить следующим образом

Из всех лексических групп (за исключением группы *νοέω*) *οἶδα* является наиболее обширной (как по частоте употребления входящих в нее слов, так и по семантике) Благодаря широте своего семантического поля глагол *οἶδα*, связанный со зрением, обозначающий наличное знание и часто указывающий на область его возможного применения, может «вторгаться» в семантические поля других глаголов знания (*ἐπίσταμαι*, *πέυθομαι*, *δαῖναι* и *γινώσκω*) В то время как *οἶδα* описывает факт обладания знанием, за комплексный процесс передачи и обработки знания у Гомера отвечает глагол *νοέω*, связанный с мыслительными процессами обдумыванием, принятием решений, планированием и т.д. С учетом широты семантики и частоты употребления *οἶδα* и *νοέω* можно назвать двумя центральными глаголами знания Семантическую близость к *οἶδα* демонстрируют глаголы *\*δάω* и *ἐπίσταμαι* Первый связан с обучением как источником знания и часто имеет при себе конкретное указание на область опыта, а второй связан исключительно с конкретными практическими умениями *γινώσκω* более близок не к *οἶδα*, а к *νοέω*, так как достаточно часто вторгается в семантическое поле последнего в частности, когда персонаж получает новый опыт и/или что-то осознает Здесь (как и в случае с *νοέω*) мы имеем дело со вторичным знанием и со способностью персонажа сделать правильные выводы и принять верное решение *πυνθάνομαι* близок к *οἶδα*, но связан со слухом, а не со зрением (как *οἶδα*) во многих случаях он указывает на расспрашивание как источник получения знания Кроме того *\*δάω* всегда указывает на знание, полученное из первых рук, в то время как *πυνθάνομαι* относится к знанию, полученному через посредников

В приложении к первой части работы дополнительно рассмотрены четыре важных для дальнейшего анализа слова (*σῆμα*, *μῆτις*, *νόος* и *νήπιος*) Основное значение *σῆμα* – «знак», «признак» При этом *σῆμα* тесно связано с мышлением и

памятью, т.к. выступает своего рода «контейнером» для хранения важного знания. Для *μητις* основными значениями являются «мера»/«план»/«(хитрый) замысел» (как в положительном, так и в отрицательном контексте) и «разум». В отличие от «практического» *μητις*, *vōos* обозначает не только способность, которая может иметься или отсутствовать у персонажа, а относится к сфере интеллектуального в целом как к неотъемлемой и абсолютно необходимой составляющей личности. Основное значение слова («ум»/«разум»/«интеллект») в зависимости от контекста может приобретать более практический оттенок, трансформируясь в «рассудок», «образ мыслей», «настрой» или «план». В свою очередь, для *νηπιος* основным (наиболее общим) значением является «неразумный», с подразумевающимся указанием на незрелость персонажа и возможное несоответствие его поведения его возрасту и роли в обществе.

ВТОРАЯ ГЛАВА представляет собой разбор четырех эпизодов (по одному из «Илиады», «Одиссеи», «Трудов и дней» и «Теогонии»). В качестве критериев выбора материала послужила сюжетная важность роли темы знания в эпизодах, а также уникальность изображенных в них ситуаций: эпизоды состязания на колесницах, пребывания Одиссея у Кирки, конфликта Прометея с Зевсом (в трактовке «Трудов и дней» и «Теогонии») являются единственными в своем роде и не имеют близких текстовых параллелей в соответствующих произведениях. Выбранные нетипичные эпизоды наглядно продемонстрировали, что тема знания присутствует не только в типичных сценах (например, в сценах собраний, разбор которых, как и разбор других типичных сцен присутствует в третьей части работы), а пронизывает весь текст, причем в некоторых случаях (в частности, в эпизоде на острове Кирки) играет структурообразующую роль.

В качестве первого эпизода была выбрана сцена состязания колесниц (II XXIII 262-623) и, в первую очередь, ее центральный элемент: совет Нестора Антилоху и хитрость Антилоха во время состязания. Лейтмотивом эпизода оказывается не то, что Антилох следует совету своего мудрого отца (и то, как он это

делает), а совершенно обратное то, что он ему *не* следует (т.е. речь идет о более мягком варианте «негативного примера», в отличие от катастрофических в своих последствиях фактов игнорирования советов – Агамемноном в 1 песне «Илиады» и Гектором в 18). Поддавшись эмоциям, Антилох забывает о важности разумного подхода и, игнорируя ценное знание, переданное ему отцом, пытается решить все по-своему, что, в конечном счете, приводит к его конфликту с Менелаем и вынужденному признанию собственной неправоты. Иными словами, в этом эпизоде знание Нестора, связанное с почтенным возрастом и богатым опытом, противопоставлено незнанию и юношеской горячности его сына. Наиболее эмоциональной (и, соответственно, лишенной разумного элемента) составляющей оказываются действия Антилоха во время гонки<sup>46</sup> и сразу после нее<sup>47</sup>, а совет Нестора, ответная речь Антилоха к Менелаю<sup>48</sup> и финал эпизода (примирение Антилоха и Менелая) представляют собой образец разумного подхода, гарантирующего благоприятное развитие событий.

Основной для эпизода является тема разума, лексически выраженная в настойчивом упоминании о *μητις* (как о необходимом для достижения победы

---

<sup>46</sup> Во время гонки Антилох съезжает с дороги, а затем снова возвращается в узком месте, буквально выталкивая колесницу Менелая, и при этом игнорирует призывы Менелая сбавить скорость и проявить разум и осторожность (XXIII 426-8). Рассерженный Менелай ставит под сомнение разум своего соперника и говорит о том, что заставит его принести клятву перед богами (439-41): *Ἀντίλοχ' οὐ τις σεῖο βροτῶν ὀλοώτερος ἄλλος / ἔρρ', ἐπεὶ οὐ σ' ἐτιμῶν γε φάμεν πεπνῶσθαι Ἀχαιοί / ἀλλ' οὐ μὲν οὐδ' ὡς ἄτερ ὄρκου οἴσῃ ἄεβλον*

<sup>47</sup> После того, как первое место ему не достается (победителем гонки оказывается Диомед), а второе место Ахилл, как устроитель и распорядитель состязаний, решает отдать Эвмелу, возмущенный Антилох пытается оспорить решение, напоминая, что Эвмел, несмотря на свои выдающиеся качества, пострадал по воле богов.

<sup>48</sup> Отдавая должное старшинству Менелая и его более выдающимся качествам (XXIII 587-8): *πολλὸν γὰρ ἔγωγε κείτερος εἶμι / σεῖο ἀναξ Μενέλαε, σὺ δὲ πρότερος καὶ ἀρείων*, Антилох признает, что впал в ошибку, поскольку он сам еще молод, его ум опрометчив (590): *κραιπνότερος μὲν γάρ τε νόσος*, а разум еще слишком скуден (590): *λεπτή δὲ τε μητις*



инструменте)<sup>49</sup>, а также в использовании слов *ἀριφραδής*, дополнительно казывающего на важность внимательного обдумывания, и *πεπνυμένος*, пишывающего основное качество Антилоха, временно утерянное им в ходе остоязания<sup>50</sup>

**Вторым** эпизодом стала сцена на острове Кирки (Od x 135-574), где все сновные события прямо связаны с темой знания Незнание Одиссея и его оратников<sup>51</sup> становится импульсом для развития сюжета с экспедицией Удачная ападня, расставленная Киркой, служит примером торжества хитрости и агического, присущего богам, знания над обыденным, ограниченным знанием и неопытностью людей В описании встречи Одиссея и Гермеса (x 281ff) та же позиция (мотивы обыденного знания и неопытности вновь противопоставлены агическому, божественному знанию) используется иначе божественное знание лужит восполнению недостаточного опыта, кардинально меняя ситуацию и ставя диссея в позицию превосходства над Киркой В свою очередь, неудача Кирки не олько устраняет опасность, но и, наряду с важным мотивом припоминания, дает импульс новому «витку» знания<sup>52</sup>, где главную роль играют инструкции Кирки, касающиеся дальнейших путешествий Одиссея, а также (на промежуточном этапе) инструкции Тиресия, за знанием которого Кирка посылает Одиссея в Аид Фактически тема знания, регулярно повторяющаяся на протяжении Апологий (в эпизоде с Полифемом (хитрость Одиссея и невежество циклопа), с Киркой (знание как «противоядие» от чар богини), с путешествием в Аид (получение знания от иресия), пребыванием у Калипсо (забвение родины), пиром у феаков (воспоминания о прошлых событиях)), становится едва ли не самым главным связующим звеном, благодаря которому фрагменты путешествий Одиссея словно сами собой «нанизываются» друг за другом

<sup>49</sup> См , в первую очередь, фрагмент из речи Нестора (XXIII 313-8)

<sup>50</sup> Ср XXIII 570 и XXIII 586 См тж анализ в [Schmitt 1990 210]

<sup>51</sup> x 190-3

<sup>52</sup> Удивляясь своей неудаче (x 325-9), Кирка сразу же припоминает предсказание Гермеса о визите Одиссея (330-2)

Лексически основной для эпизода мотив незнания/неопытности выражен посредством слов *áidrios* («незнающий, несведущий») и *áidreîn* («незнание, отсутствие опыта»)<sup>53</sup>

Два следующих, рассмотренных вместе эпизода (OD 47-105, Theog 507-616) – о Зевсе, Прометее и Пандоре, рассказанные в «Трудах и днях» и в «Теогонии», – заметно отличаются друг от друга так, в «Трудах и днях» ничего не говорится о первой хитрости Прометея, делившего мясо на пиру людей и богов, люди в «Трудах и днях» существуют отдельно от богов, а не вместе с ними, как в «Теогонии», действия Зевса в «Теогонии» и «Трудах и днях» также не совпадают друг с другом (в «Трудах и днях» Зевс сам выступает в роли обманщика), в «Трудах и днях» важная часть повествования касается Эпиметея, о котором лишь вскользь упоминается в «Теогонии», бедствия, принесенные Пандорой, по-разному трактуются в двух эпизодах – и т.д.<sup>54</sup> С точки зрения темы знания мы видим различия в акцентах в финале эпизода в «Трудах и днях» ключевую роль играет мотив разума и неразумия, в то время как весь ход конфликта Зевса и Прометея в «Теогонии» решается через противопоставление непревзойденной хитрости и абсолютного знания. Существенной особенностью, общей для двух эпизодов, на первый взгляд представляется тема противостояния хитрости/обмана и могущества/абсолютного знания. Однако если в «Теогонии» Зевс побеждает за счет своей власти и абсолютного знания, то в «Трудах и днях» он еще и оставляет за собой последнее слово в «соревновании в хитрости», придумывая Пандору в наказание людям и в отместку за обман Прометея. Различие в акцентах отражает различие в установках двух поэм. В «Трудах и днях» роль разума, превосходящего любой обман, важна в связи с наставлениями рассказчика брату, в то время как в «Теогонии» показана, в первую очередь, сила и абсолютное знание Зевса, легитимирующие его первенство среди богов.

<sup>53</sup> См. х 231=х 257 (рассказ Эврилоха) и х 281

<sup>54</sup> См. тж. список отличий у Ж.-П. Вернана (Vernant, Jean-Pierre "Le mythe prométhéen chez Hésiode (Théogonie 535-616, Travaux 42-105)" В сб. В Gentili, G. Paioni (edd.), *Il mito greco* Atti del Convegno Internazionale, Roma 1977, 91-106)

Конфликт Зевса с Прометеем четко выражен на лексическом уровне. С одной стороны – *μητις* Прометея, его способность *πάντων πέρι μήδεα εἶδέναι*, т. е. строить замыслы (лучше всех), а также *κλέπτειν, εξαπατάω, εξαπαφίσκει* (в «Теогонии») *κρύπτω* и *λανθάνω* (в «Трудах и днях»), уточняющие, что замыслы Прометея направлены на обман. С другой стороны – *νόος* Зевса, связанный с его абсолютным знанием, недоступным для обмана и дающим возможность предвидеть еще не совершившиеся события, «узревая» хитроумные замыслы оппонента (что, в свою очередь, не дано сделать тому же Эпиметею). В «Теогонии» замечен постепенный перенос акцентов с хитрости и обмана Прометея на всезнание Зевса, завершающийся логичным выводом в 613. В «Трудах и днях» обман остается главной темой на протяжении всего эпизода. Зевс в конфликте с Прометеем показывает свою способность перенатраг оппонента в его же игре, обманув самого искусного обманщика. Вместо прямого вывода о превосходстве Зевса повествование заканчивается описанием слабости его противников, а точнее – ошибки Эпиметея, не обладающего способностью заранее (а не *post factum*) увидеть и осознать (*νοέω*) чужие замыслы.

В ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ работы совершен переход к более общему внутрисюжетному анализу особенностей, связанных с функционированием знания у Гомера и Гесиода. Последовательно рассматриваются следующие вопросы: знание и граница между богами и людьми, знание и восприятие (зрение и слух), знание и границы опыта, знание и поколения людей, социальные факторы знания, знание и социальная иерархия, оценка знания и ее связь с социальным статусом, коллективное знание, индивидуальное знание.

Различия между божественным и человеческим знанием у Гомера и Гесиода являются *количественными*, но не *качественными*. Иными словами, нет никакого *логического барьера*, который мешал бы людям получать знание от богов. Знание гомеровских богов (в отличие от Зевса у Гесиода) нельзя назвать

абсолютным в полном смысле слова<sup>55</sup> Тем не менее, для людей боги являются эталоном абсолютного знания, недостижимого для любого смертного человека (будь то обычный человек или пророк, способный «заглянуть» в глубины знания богов и «извлечь» оттуда небольшую его часть) При этом у Гесиода, в отличие от Гомера<sup>56</sup>, боги не только являются носителями эталонного знания, но и могут следить за соблюдением установленных ими принципов жизни<sup>57</sup>

У Гомера и Гесиода речь идет о двух каналах восприятия зрения и слухе Персональный опыт (полученный персонажем напрямую, без посредников) связан, в первую очередь, со зрением<sup>58</sup> Слух, в свою очередь, связан с передачей знания (будь то традиционное знание или же знание, связанное с конкретной ситуацией), а «слуховые» глаголы знания могут указывать на его источники<sup>59</sup> Знание, полученное посредством зрения, имеет приоритет перед знанием, полученным на слух<sup>60</sup> У Гесиода зрительный фактор приобретает тем больший вес, поскольку у него больше внимания уделено индивидуальному знанию, в т ч в связи с сюжетными особенностями «Трудов и дней»<sup>61</sup>

---

<sup>55</sup> Внутри божественной сферы есть место незнанию так, в 14-й песне «Илиады» Зевс, обольщенный Герой, не подозревает о том, что Гера, Афина и другие боги и богини нарушают его запрет, помогая ахейцам

<sup>56</sup> Гомеровские персонажи могут ссылаться на авторитет богов как защитников традиций и справедливости, но сами боги весьма далеки от того, чтобы лично и всякий раз наказывать людей за их преступления Ср [Yamagata 1994 242f] ожидания тех, кто не может отомстить за себя сам, заключаются в мести богов Однако боги распределяют поощрения и наказания согласно *μοῖρα*, что, в свою очередь, не совпадает с человеческими представлениями о справедливости

<sup>57</sup> Так, Зевс наказывает правителей за несправедливость (OD 9) Ср OD 229, где говорится о войне как о наказании, посланном Зевсом

<sup>58</sup> Например, в I 3 *πολλῶν δ' ἀνθρώπων ἴδεν ἄστεα*

<sup>59</sup> Ср примеры выше, в т ч для *καὶ ἐσσομένοισι πύθεσθαι* (в связи с мотивом получения знания потомками)

<sup>60</sup> См II 485-6 (*ὑμεῖς γὰρ θεαὶ ἐστε πάρεστε τε ἴστε τε πάντα, / ἡμεῖς δὲ κλέος οἶον ἀκούμεν οὐδέ τι ἴδμεν*)

<sup>61</sup> Ср тж начало «Теогонии», где повествуется о необычном «видении» рассказчика его встрече с музами на Геликоне

Знание обычного человека у Гомера и Гесиода ущемлено и ограничено его физическими и умственными возможностями: первичное знание он получает из своего непосредственного окружения через зрение и слух, а вторичное – путем обдумывания, где обработки и переработки имеющейся информации. Люди хорошо осознают свои возможности и всячески подчеркивают ограниченность, неполноту, а часто и недостоверность своего знания. Общение с другими людьми, а также божественное вмешательство позволяет людям прорвать границы персонального опыта и узнать что-то принципиально новое и в обычной ситуации недоступное для них<sup>62</sup>. На примере поэтов и прорицателей, находящихся в контакте с божественной сферой<sup>63</sup>, мы видим, где проходит граница между обычным опытом, получаемым в рамках сферы людей, и опытом «сверхъестественным», недоступным обычным людям без вмешательства богов. В отличие от гомеровской ситуации, у Гесиода размывается граница между правдой и ложью. Тезис об относительности истины (Theog. 27-28) резко отличает тексты Гесиода от гомеровских: если у Гомера оппозиция знания истинного и ложного является основной для темы знания, то у Гесиода ставится под сомнение сама легитимность этой оппозиции.

Три возрастные группы, выделяемые у Гомера, различаются по объему накопленного знания и опыта, а также по степени своего участия в общественной жизни. Дети еще не обладают разумом, достаточным багажом знания и, следовательно, не способны принимать никакого участия в социальной деятельности<sup>64</sup>. Молодые, благодаря большому запасу знания, уже включены в

<sup>62</sup> См. v 97-115, xv 10-42 (божественные вестники: Гермес, Афина), II 308-32 (знамение о разрушении Трои на десятый год войны) и II 146-76 (знамение о возвращении Одиссея и гибели жемчихов) и т.п.

<sup>63</sup> Прорицатели получают его часть божественного знания как особую форму персонального опыта, обретаемого через зрение. Ср. слова Феоклимена в xx 367-8: < > νοέω κακὸν ἔμμι / ἐρχόμενον ( я вижу приближающееся к вам несчастье).

<sup>64</sup> Так, когда в iv 26-29 советник Менелая Этеоней спрашивает, отослать ли чужестранцев (Телемаха и Писистрата) или же все-таки принять их, Менелай сильно гневается на него и удивляется его неразумным словам, характерным скорее для ребенка и противоречащим обычному разумному поведению Этеоней (οὐ μὲν νῆπιος ἦσθα, Βοηδοῖδῃ Ἐτεωνεῖ, / τὸ πρῖν

сообщество и участвуют в совместной деятельности<sup>65</sup>, хотя и могут совершать серьезные ошибки из-за недалекости и неспособности использовать прошлый опыт во благо будущего<sup>66</sup>. Зрелые люди, в свою очередь, способны учитывать свой прошлый опыт, чтобы оценивать возможное развитие ситуации в будущем и в соответствии с этим принимать верные решения в настоящем<sup>67</sup>.

В то время как у Гомера можно встретить лишь редкие упоминания о качественной разнице между поколениями и о превосходстве предшествующего поколения над последующими (об этом говорит, в частности, Нестор, заставший «лучшее» поколение героев, в I 244-84), Геснод идет гораздо дальше изображенная у него цепочка поколений составляет панорамную картину человеческой деградации, утраты разума и коллективного знания<sup>68</sup>. При этом в рамках сюжета о пяти поколениях физический возраст релятивируется и оказывается обратным ментальному: представители самого молодого и неразумного поколения стареют быстрее всех<sup>69</sup>, в то время как представители самого древнего и разумного (обладающего большим багажом коллективного знания) золотого поколения вечно остаются молодыми.

**Социальные факторы**, играющие чрезвычайно заметную роль в связи с темой знания, выражены у Гомера в нескольких аспектах. Одним из самых

---

ἀτὰρ μὲν νῦν γε πάϊς ὡς νῆπια βάζεις) Ср признание Телсмаха в XVIII 228-9 (=XX,309-10) о том, что в более раннем и не совсем сознательном возрасте он не был способен различить хорошее и дурное.

<sup>65</sup> Так, в XIII 91-3 упомянуто сразу несколько героев «второго плана» (Тевкр, Пенелей, Мерин, Антилох), которые характеризуются как *κοῦροι νέοι*.

<sup>66</sup> В XXIII 587-90<sup>66</sup> Антилох, успокаивая Менелая, раздраженного его хитрой уловкой во время соревнования колесниц, признаёт свою неправоту, ссылаясь на свойственные молодости ошибки, и говорит о том, что Менелай старше и мудрее его.

<sup>67</sup> Наиболее наглядно разница между молодыми и зрелыми представлена в III 108-10.

<sup>68</sup> Ср подробное описание утраты традиционных норм поведения в OD 186-97 (в рамках повествования о людях «железного века»).

<sup>69</sup> У последних представителей этого поколения признаки старости будут видны уже с рождения (OD 180) [ ] *γεϊνόμενοι πολιοκρόταφοι τελέθωσιν*.

очевидных является зависимость отношения к знанию персонажа от его социального ранга. В связи с фигурами героев-лидеров лучше всего видна роль знания (разума, определенных навыков), поскольку оно необходимо для достижения и удержания высокого статуса<sup>70</sup>. Знание приобретает тем больший вес, чем меньше у героя возможности (из-за возраста, в ситуации мирного времени и т.д.) поддерживать свой статус военными успехами<sup>71</sup>. Применительно к Гомеру нельзя говорить о паличии жесткой шкалы, позволяющей адресату информации однозначно-объективно оценивать передаваемое знание. В зависимости от ситуации баланс объективных (статус<sup>72</sup>) и субъективных (отношение адресата к содержанию и/или форме информации<sup>73</sup>) факторов может смещаться. Тем не менее, как следует из проведенного анализа, можно выделить вполне четкий набор критериев, среди которых социальный статус играет первостепенную роль. У Гесиода, обращающегося к *δειλοί*<sup>74</sup>, а не к элите, гомеровская схема ставится с ног на голову

<sup>70</sup> Так, Нестор сохраняет свой статус главного советчика при Агамемноне, потому что обладает богатым опытом и представляет старшее и славное поколение, о котором большинство ахейцев знает лишь понаслышке (ср. комплимент Агамемнона в адрес Нестора как лучшего советчика в II 370-4). В свою очередь, от Агамемнона, как предводителя ахейцев, ожидают, что он знает лучше других, как нужно действовать (II 79-83).

<sup>71</sup> Ср. случай с Эхенеем, старейшиной и советником при царе феаков Алкиносе, сохраняющим свой статус благодаря богатому опыту и дару краспоречия (VII 156-7 *ὅς δὲ Φαιήκων ἀνδρῶν προγενέστερος ἦεν / καὶ μῦθοισι κέκαστο, παλαιὰ τε πολλὰ τε εἰδώς*).

<sup>72</sup> Так, в II 79-83 Нестор подчеркивает, что лишь статус Агамемнона компенсирует недостаточную убедительность его рассказа на совете.

<sup>73</sup> Ср. знаменитые слова Алкиноя<sup>73</sup>, обращенные к Одиссею по завершении первой части его пространного рассказа о собственных путешествиях (XI 363-9). Очевидно, что Алкиной не может верифицировать ни статус Одиссея, ни достоверность его рассказа. Однако содержание и форма информации, а также то, как искусно эта информация подается ему и другим присутствующим на пиру феакам, вызывают у него доверие.

<sup>74</sup> В OD 214 адресат рассказчика Перс характеризуется как *δειλός βροτός* (т.е. как представитель низшего слоя общества) и противопоставляется *εὐθλός* (т.е. представителю высшего слоя общества).

не простые люди должны поддерживать избранных, а избранные должны заботиться о простых людях (а не о собственной славе, как у Гомера)<sup>75</sup> В свою очередь, простые люди контролируют соответствие поступков элиты (правителей) идеалам поведения<sup>76</sup> Низшим слоям общества передается огромный массив знания, которое должно помогать им преодолевать тяготы повседневной жизни. Отличие от гомеровской схемы разительно в «Илиаде» и «Одиссее» основным знанием обладают герои, а наиболее высокая социальная позиция предполагает наивысшую степень компетентности и, соответственно, наибольшего количества знания.

В «Илиаде» и «Одиссее» есть явные признаки социального распределения знания. Один из самых очевидных аспектов коллективного знания в гомеровских текстах – специфически-ролевое, релевантное для ограниченной группы людей знание (лексически связанное, в первую очередь, с группой *ἐπίστοροι*), те определенные навыки, необходимые для выполнения конкретных функций (плотника, воина, возницы, мореплавателя, охотника и т.п.). В целом к коллективному знанию у Гомера относится знание, релевантное для широкой группы людей (как ограниченное, так и не ограниченное профессиональной специализацией), в том числе знание о мировом устройстве<sup>77</sup>, о структуре человеческого общества<sup>78</sup> и о принципах поведения индивида в этом обществе<sup>79</sup>. У Гесиода, несмотря на меньшую роль коллективного знания (по причине более ярко

---

<sup>75</sup> У Г. Занкера (Zanker, Graham “The Works and Days: Hesiod’s Beggar Opera?” *BICS* 33 (1986), 33ff.) этот контраст показан на конкретных примерах II 1186ff, II 188-206 и II 211-77 (знаменитый эпизод с Терситом)

<sup>76</sup> Так, в OD 256-69 рассказчик буквально требует от царей соблюдать справедливость, напоминая им о *Δίκη* и об исходящей от всезнающего Зевса каре за несправедливость.

<sup>77</sup> Например, о том, что только боги могут предвидеть будущее (III 308-9)

<sup>78</sup> Например, о «вертикальной структуре» общества и о необходимости лишь одного правителя (ср. речь Одиссея в II 198-206)

<sup>79</sup> Так, гомеровский индивид, являющийся *ἀγαθός* (т.е. принадлежащий к «избранным», к героям-лидерам), должен соблюдать целый набор важных требований: приносить жертвы богам (XXIV, 425), не преступать нормы морали в отношениях с женщинами (VI 192, ср. указание на поведение Эгисфа в I 32ff.), соблюдать правила битвы (VII 282=293) и т.п.



выраженной роли индивидуального, а также из-за того, что в «Теогонии» фокус повествования сосредоточен на божественной сфере), можно найти почти все элементы этого знания (ролевое знание<sup>80</sup>, представления о мировом порядке и об обязанностях индивида в обществе<sup>81</sup>), встречающиеся у Гомера. Кроме того коллективное знание фактически оказывается инструментом разрешения конфликта между рассказчиком и его братом.

Даже при явном преобладании у Гомера коллективного начала индивидуальное знание занимает вполне прочное и четко обозначенное (отчасти и лексически через *νοέω* и другие глаголы мышления) место. Индивидуальным можно назвать знание о каком-то событии, факте или ситуации, полученное через зрение, слух или посредством размышления (без вмешательства богов) и не являющееся традиционным знанием, передаваемым через воспитание/обучение и/или релевантным для широкой группы персонажей. Сюда относится, в первую очередь 1) хранящийся в памяти индивидуальный жизненный опыт конкретного героя (манифестированный, в частности, посредством лексики группы *οἶδα*)<sup>82</sup>, 2) сиюминутные продукты мыслительного процесса (вторичное знание, лексически представленное, в частности, глаголом *νοέω*<sup>83</sup>). У Гесиода индивидуальное знание

<sup>80</sup> Помимо двух основных для «Трудов и дней» сфер деятельности – земледелия и скотоводства – Гесиод подробно говорит о мореплавании (OD 660-91)

<sup>81</sup> См. выше о требованиях рассказчика к правителям. Ср. тж. описание государства под властью идеальных правителей (OD 225-39). У Гесиода, как и у Гомера, говорится о качествах, которыми должен обладать представитель «элиты». Однако набор качеств несколько другой, т.к. центральное место у Гесиода отдается не доблести (*ἀρετή*) и смежным качествам (например *αἰδώς*), а справедливости (*δική*) по отношению ко всем без исключения.

<sup>82</sup> Индивидуальный опыт героя, в т.ч. выраженный посредством лексики, манифестируется в устной коммуникации, например, когда герой уже знает что-то, о чем ему пытается сказать другой ((*εὐ/σάφα*) *οἶδα* καὶ *αὐτός/αὐτή*), и когда герой уверен или не уверен в достоверности своего знания (*σάφα οἶδα* и *σάφα δ' οὐκ οἶδ' εἶ*).

<sup>83</sup> Ср. тж. другие гомеровские глаголы мышления *μύθομαι*, *μυτιόμαι*, *οἴομαι*, *ὀρμαίνω*, *φρονέω* и др. Способность гомеровского героя к анализу, в том числе и к пониманию мыслей другого (т.н. «интеллектуальное зрение», предполагающее «прямой контакт» с мыслями другого и

предстает совершенно в ином контексте персонализированный рассказчик «Трудов и дней» и «Теогонии» радикально отличается от обезличенного рассказчика «Илиады» и «Одиссеи». Знание передается не абстрактной аудитории, а вполне конкретному адресату. Именно поэтому, несмотря на небольшое количество персонажей-людей, персональное знание<sup>84</sup> выходит на передний план, вне зависимости от того, является ли оно частью литературной фикции или же имеет под собой реальную биографическую почву. Рассказчик оказывается медиатором, транслирующим утраченные в ходе смены поколений элементы коллективного знания, важные для его адресата как представителя простых людей «железного века».

Обзор итогов работы представлен в ЗАКЛЮЧЕНИИ, где подчеркнута внутренняя взаимосвязь всех составляющих предпринятого исследования. Выводы, касающиеся лексики знания в первой части работы, стали основой рассуждений в третьей главе: связь лексики знания со зрением и слухом вышла на первый план при анализе источников знания, а обоснованное в первой части разграничение первичного и вторичного знания, равно как и соображения по поводу соотношения лексических групп *οἶδα* и *νοῶν*, стали одним из важнейших элементов рассуждения относительно индивидуального и коллективного знания. Мотивы знания (абсолютное знание, недостаточное знание, опытность/неопытность), также упомянутые в первой главе в ходе разбора лексических групп, вновь оказались в центре внимания во второй (в связи с Прометеем/Эпиметеем и Зевсом, Одиссеем и Антилохом, соответственно) и в третьей части работы: мотивы, связанные с

---

исключающее субъективный фактор), является основой для принятия им самостоятельных решений, не зависящих от влияния богов. Эта способность героя принимать разумные, обдуманные решения, наиболее явно описанная в XVII 469-70 (ср. VI 234-6 и XI 137-8), обозначает границу между его собственной и божественной волей.

<sup>84</sup> Например, в OD 27-41, где фрагментарно описаны обстоятельства тяжбы рассказчика с братом, в OD 650-9 (в описании плавания на Эвбею) или во вступлении к «Теогонии», где излагается история встречи рассказчика с музами.

божественным знанием, нашли свое отражение в разделе о границе между богами и людьми, а мотивы опытности/неопытности – в анализе трех возрастных групп у Гомера В свою очередь, проблематика, затронутая при анализе примеров во второй части работы (всезнание Зевса; оппозиция юность/зрелость в конфликте Антилоха и Менелая), была развита в третьей части (см., соответственно, разделы о границе между богами и людьми и о трех возрастных группах) Таким образом, сформировались своего рода логические цепочки, соединяющие три заявленных уровня анализа например, от семантики *oída*, подробно проанализированной в первой главе, через мотив абсолютного знания и разбор конкретного воплощения этого мотива в OD 47-105 и Theog. 507-616 (вторая часть) к проблематике индивидуального знания как индивидуального жизненного опыта в третьей главе диссертации

В итоге семантический анализ лексики, с одной стороны, стал фундаментом для вычленения и разбора основных мотивов, формирующих тему знания, весьма значимую для поэтики древнегреческого эпоса С другой, специфика реализации этой темы как на языковом, так и сюжетном уровне позволила очертить главные характеристики знания как одной из составляющих архаической картины мира, отраженной в эпических текстах При всей универсальности этой картины удалось в том числе обозначить и некоторые «разночтения» в ее трактовке Гомером и Гесиодом (более резкая противопоставленность божественного и человеческого знания у последнего, инверсированная трактовка соотношения знания и возраста и т.д.) Анализ отдельных мотивов и эпизодов, связанных с темой знания, позволил проследить зависимость ее интерпретации от литературных целей и жанровых особенностей произведения (например, разная трактовка дихотомии всеведение/обман в «Трудах и днях» и «Теогонии»). Таким образом, филолого-литературоведческий анализ оказывается способным привести к выводам историко-культурного характера и в то же время продемонстрировать функционирование социо-антропологических концептов на уровне языка и поэтики конкретного произведения и литературного жанра

Основные тезисы диссертации отражены в следующих публикациях:

- 1 Фигура героя в гомеровской «Одиссее» и проблема личности // Развитие личности М, 2005 № 3 – С 69-81
- 2 Законы гостеприимства и Полифем // Развитие личности М, 2006 № 2 – С 91-104
- 3 Гомер и знаки (концепция «устной поэтики Дж. М. Фоли») // Межвузовская IX научная конференция студентов-филологов СПб, 2006 – С 82-3
- 4 Глаголы знания в «Илиаде» и «Одиссее» // Вестник МГУ Серия 9 Филология М, 2009. № 6 – С 77-93

Отпечатано в типографии «Полиграфия Люкс»  
125074, г. Москва, ул. Лесная 1/2  
Подписано в печать 14.04.2010 г.  
Бумага офсетная. Формат 60×84/16. Печ. л. 12.  
Печать цифровая. Заказ № 2946. Тираж 100 экз.